

МУНИРА
ВАГИНА

СТЕРВА
НЕ ВЫХОДИТ
из моды

18+

Мунира Вагина

Стерва не выходит из моды

«Автор»

2026

Вагина М.

Стерва не выходит из моды / М. Вагина — «Автор», 2026

Линду Крафт называют стервой. За характер, холодный ум, привычку не просить разрешения. У неё есть всё: успешный бренд, безупречный муж и жизнь, которой можно завидовать. Но одна встреча с женщиной из прошлого рушит всё, во что она верила семнадцать лет. Максим Реверс когда-то исчез без объяснений. Теперь он возвращается — и приносит правду, которой Линда совсем не ждала. Почему его письма до неё не дошли? Кто сорвал их последнюю встречу? Что скрывает Марк — мужчина, рядом с которым она прожила пятнадцать лет? И почему оба уверены, что имеют право решать, какую правду она способна выдержать? Чем глубже Линда копает прошлое, тем страшнее становится ответ: возможно, самый важный выбор в её жизни когда-то сделали за неё. Теперь всё повторяется. Два мужчины. Одна женщина. И решение, которое может разрушить сразу три жизни. Но на этот раз Линда выберет сама. «Стерва не выходит из моды» — роман о запретном притяжении, втором шансе, измене и женщине, которая однажды перестала быть удобной.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стерва	5
Глава 2. Идеальная пара	11
Глава 3. Семнадцать лет спустя	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Стерва не выходит из моды

Глава 1. Стерва

За двадцать три минуты до начала показа у Линды Крафт исчезло главное платье коллекции. Не порвалось, не потерялось в химчистке, не застряло в пробке вместе с курьером. Оно просто перестало быть там, где обязано было висеть: в прозрачном чехле с красной биркой, между серебристым комбинезоном и чёрным жакетом с вышивкой по лацкану. Линда остановилась перед пустым крючком и несколько секунд смотрела на него так, будто тот лично был виноват.

Вокруг кипело привычное предшоу-безумие. Визажисты склонялись над лицами моделей, кто-то искал шпильки, кто-то ругался из-за света, ассистент режиссёра кричал в гарнитуру, что третья группа опаздывает на построение. Из-за занавеса доносился низкий гул зала — три сотни гостей уже рассаживались, шуршали программами, фотографировались и делали вид, что пришли исключительно ради искусства.

— Где платье? — спросила Линда.

Она не повысила голос. Именно поэтому рядом сразу стало тише. Ася, младший стилист, побледнела.

— Оно было здесь десять минут назад.

— Я вижу, что было.

— Я сейчас найду.

— Нет. Сначала вспомни, кто к нему подходил.

Ася быстро обвела глазами гримёрную. Линда не мешала ей думать. Паника была заразнее гриппа и примерно так же бесполезна.

— Мила, — наконец сказала девушка. — Мила просила примерить ещё раз. Сказала, что подол тянет.

Линда повернулась. Главная модель вечера сидела у зеркала в шёлковом халате и листала телефон. Длинные ноги были закинuty одна на другую, на лице застыла скука человека, которого происходящее вокруг касается только в той мере, в какой способно ухудшить его фотографии.

— Мила.

Та подняла глаза.

— Да?

— Где платье?

— Какое?

Линда улыбнулась. Рядом кто-то перестал застёгивать молнию.

— То самое, в котором ты должна выйти через двадцать минут.

— А, это. Я его сняла.

— Это я тоже вижу.

— Оно плохо сидит.

— На вчерашней примерке сидело хорошо.

— Вчера я весила на четыреста граммов меньше.

Линда посмотрела на неё внимательно.

— Тогда мы переживём эту трагедию вместе. Где платье?

Мила отложила телефон.

— Я сказала Лёше, что не выйду в нём.

— Кто такой Лёша?

— Мой агент.

— Это я знаю. Я спрашиваю: кто такой Лёша здесь, за кулисами моего показа, чтобы распоряжаться моей коллекцией?

На лице Милы мелькнуло раздражение.

— Линда, не надо разговаривать со мной как с девочкой из массовки. У меня контракт.

— Именно поэтому ты сейчас скажешь, где платье.

Мила выдержала паузу и кивнула в сторону маленькой технической комнаты за ширмой. Ася бросилась туда. Через несколько секунд оттуда донёсся сдавленный звук. Линда пошла следом. Платье лежало на полу. Белый шёлк был испачкан чем-то тёмным, похожим на тональный крем, а по боковому шву зиял разрез длиной сантиметров двадцать. Ася прикрыла рот ладонью. Линда присела, коснулась ткани двумя пальцами и сразу поняла: это не случайность. Нить была не разорвана натяжением. Её перерезали.

— Кто это сделал? — прошептала Ася.

— Сейчас неважно.

— Но это финальный выход.

— Я помню собственный сценарий.

Линда поднялась. Внутри неё уже шёл быстрый расчёт. Семнадцать минут. Швея может закрыть разрез за семь, пятно не вывести. Можно заменить образ. Можно отправить вместо платья жакет с длинной юбкой, но тогда рушится цветовая драматургия финала. Можно сократить проход. Можно вообще убрать Милу. Последний вариант понравился ей больше всего. Она вернулась в гримёрную.

— Мила, ты сегодня не выходишь.

Та рассмеялась, уверенная, что ослышалась.

— Что?

— Ты свободна.

— Ты с ума сошла?

— Возможно. Но это станет проблемой моего психотерапевта завтра. Сегодня ты свободна.

Мила резко встала.

— У тебя нет права снимать меня за двадцать минут до показа.

— Есть. Пункт девять твоего договора. Умышленное повреждение предоставленного образца или отказ от выхода без медицинских оснований.

— Я ничего не повреждала.

— Тогда ты просто оставила платье на полу в комнате, куда никто, кроме тебя и твоего агента, не заходил последние пятнадцать минут.

— Докажи.

— Не собираюсь. Это не суд. Это показ.

— Ты понимаешь, кто я?

Линда наклонила голову.

— Прямо сейчас? Девушка в халате, которая мешает мне работать.

Кто-то тихо втянул воздух. Мила покраснела.

— Ты законченная стерва.

В этот момент из-за спины Линды раздался щелчок камеры. Она обернулась. У входа стоял молодой фотограф из светской хроники. Судя по счастливому выражению его лица, он только что получил материал лучше всего показа. Линда посмотрела прямо в объектив.

— Запишите правильно, — сказала она. — Через «е».

Кто-то прыснул со смеху. Мила схватила сумку и ушла, задев плечом ассистента. Линда повернулась к команде.

— Всё. Закончили спектакль. Работаем.

— Но кто пойдёт в финале? — спросила Ася.

Линда уже смотрела на стройную темноволосую девушку, которая стояла у стены в третьем составе и явно пыталась стать невидимой.

— Как тебя зовут?

— Ника.

— Размер?

— Сорок второй.

— Каблук носишь уверенно?

— Да.

— Врёшь?

— Нет.

— Тогда сегодня проверим.

Девушка широко раскрыла глаза.

— Я? В финале?

— Нет, Папа Римский. Конечно, ты. Ася, переодеть. Шов закрыть. Пятно уводим под декоративную панель. У нас двенадцать минут.

Команда ожила мгновенно. Линда всегда любила этот момент — когда хаос вдруг собирался вокруг решения и превращался в работу. Людям редко требовалось чудо. Обычно им требовался человек, который первым перестанет паниковать. Она сняла с запястья часы и положила их на стол.

— Десять минут на ремонт. Две на переодевание. Репетиции не будет.

— Линда, — осторожно сказала Ася, — Ника никогда не открывала и не закрывала большой показ.

— Сегодня закроет.

— А если упадёт?

— Поднимется. Это тоже красиво, если сделать с достоинством.

Ника нервно засмеялась. Линда посмотрела на неё.

— Боишься?

— Очень.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Значит, будешь внимательной. Самые опасные люди перед выходом — те, кому совсем не страшно.

Она пошла к режиссёрскому пульта. На полпути её перехватил управляющий площадки.

— У нас ещё одна проблема.

— В очередь.

— Представитель главного спонсора требует, чтобы их логотип вывели на центральный экран до финального выхода.

— Мы согласовали заставку после показа.

— Они передумали.

— Я тоже. Скажите им, что экран сломан.

— Он работает.

— Тогда сломайте словами.

— Линда...

Она остановилась.

— Серёжа, если на финальном выходе за спиной модели появится бутылка минеральной воды размером с пятиэтажный дом, я лично утоплюсь в этой минералке. После показа — сколько угодно. До финала — нет.

Управляющий усмехнулся.

— Вот за это тебя и называют...

— Не продолжай. Сегодня я уже слышала.

Она вышла к боковому проходу сцены. Зал был почти заполнен. С первого ряда поднялась знакомая рука — редактор крупного модного журнала заметила Линду и приветственно кивнула. Рядом сидели актрисы, блогеры, владельцы бутиков, несколько клиентов, пара людей, которых Линда знала только по фамилиям и суммам контрактов. И где-то среди них должен был сидеть Марк. Она быстро нашла мужа взглядом.

Марк Крафт разговаривал с женщиной из попечительского совета. Безупречный тёмный костюм, седина на висках, лёгкая улыбка человека, которому почти никогда не приходится добиваться внимания — оно само поворачивается в его сторону. Он почувствовал её взгляд и посмотрел на сцену. Линда показала ему два пальца: две минуты задержки. Марк слегка нахмурился. Она отвернулась. Сейчас ей не хотелось даже мысленно объяснять, что произошло.

— Готовность! — крикнул режиссёр.

Свет в зале начал гаснуть. Музыка ударила первой низкой нотой. Линда почувствовала то, что чувствовала перед каждым показом: мгновение ледяной пустоты внутри. Странное состояние, когда месяцы работы сжимаются до нескольких секунд перед первым шагом модели на подиум. Первая девушка вышла. Потом вторая. Линда стояла у занавеса и считала проходы. Пять. Шесть. Семь. Кто-то задел стойку с одеждой. Ася прошипела на помощника. Один из визажистов на ходу поправлял губы модели. Режиссёр показывал пальцами оставшееся время.

Восемь. Девять.

На двенадцатом выходе в наушнике раздался голос:

— Финальное платье готово.

Линда только кивнула. Ника появилась рядом через минуту. Белое платье сидело на ней почти идеально. Декоративная панель действительно спрятала пятно. Шов держался. Но лицо девушки было белее ткани.

— Я не смогу, — сказала она.

Линда посмотрела ей в глаза.

— Сможешь.

— У меня ноги дрожат.

— У всех дрожат.

— У Милы не дрожали.

— Поэтому Милы здесь больше нет.

Ника слотнула. Линда поправила ей плечо платья.

— Слушай меня. Не смотри на людей. В конце подиума есть чёрная точка над центральной камерой. Иди к ней. Спина прямая. Медленнее, чем хочется. Не изображай уверенность.

— А что делать?

— Иди так, будто тебе всё равно, верят они в тебя или нет.

Ника замерла. Потом вдруг улыбнулась.

— Это вы так всегда делаете?

Вопрос оказался неожиданно точным. Линда на секунду задержала руку на её плече.

— Выходи.

Музыка изменилась. Ника ступила на подиум. Первые секунды Линда не дышала. Шаг. Ещё шаг. Девушка выпрямилась. Белый шёлк поймал свет. Панель раскрылась на движении именно так, как задумывалось. Зал вдруг притих — та самая правильная тишина, ради которой дизайнеры не спят ночами и ненавидят всех за неделю до премьеры. Ника дошла до конца подиума. Остановилась. Развернулась.

И улыбнулась. Не модельной улыбкой. Настоящей — почти счастливой. Зал зааплодировал раньше финальной точки музыки. Линда закрыла глаза на одну секунду. Только на одну. Потом снова стала работать. Финальный общий выход прошёл без ошибки. Когда последняя

модель скрылась за занавесом, гримёрка взорвалась криками. Кто-то обнял Нику. Ася расплакалась. Швея подняла над головой катушку белых ниток, словно выиграла Олимпиаду.

Линда позволила себе улыбнуться.

— Всё, хватит. Через пять минут пресса. У кого потёк макияж — восстановить. Ника, переодевайся медленно, платье ещё понадобится для съёмки.

Ника подошла к ней.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что выпустили меня.

— Не благодари. Завтра у тебя будет в три раза больше работы и в пять раз больше людей, которые объяснят, что ты этого не заслужила.

— Вы всегда так поддерживаете?

— Я стараюсь не портить людям характер надеждой.

Ника рассмеялась.

Линда уже собиралась уйти, когда девушка тихо сказала:

— А я думала, вы правда стерва.

Линда перевела взгляд на неё.

— Не торопись с выводами. Вечер ещё не закончился.

В пресс-зоне было жарко от света. Микрофоны протягивались один за другим. Вопросы летели быстро: о коллекции, о новой линии, о европейских закупщиках, о скандале с Милой, который каким-то чудом уже успел появиться в нескольких телеграм-каналах.

— Правда, что вы выгнали ведущую модель за пятнадцать минут до начала?

— Неправда, — ответила Линда.

Журналист оживился.

— То есть конфликта не было?

— Был. Но до начала оставалось семнадцать минут.

Засмеялись даже операторы.

— Почему вы её сняли?

— Потому что у показа сто двадцать человек команды, а не одна звезда.

— Мила утверждает, что вы её унизили.

— Мила имеет право утверждать всё, что хочет. После окончания договора даже бесплатно.

— Вас часто называют очень жёстким человеком.

— Это вопрос?

— Хорошо. Вас задевает, что вас называют главной стервой московской моды?

Вот он. Линда знала, что этот фрагмент разойдётся по соцсетям ещё до полуночи. Она могла ответить правильно. Мягко. Сказать про требования индустрии, женское лидерство, стереотипы. Всё это было бы умно и совершенно невыносимо скучно. Линда посмотрела прямо в камеру.

— Меня бы гораздо сильнее задело, если бы меня называли скучной.

Снова смех.

— Значит, не отрицаете?

— Я вообще редко трачу время на чужие определения.

— А ваш муж согласен с таким образом?

Линда едва заметно напряглась.

— Спросите мужа.

— Он здесь?

— Насколько мне известно, да.

Она улыбнулась и повернулась к следующему журналисту. Через десять минут интервью закончилось. Линда наконец взяла бокал воды и отошла к стене. Только теперь она почувствовала усталость. Туфли жали. Шея ныла. Хотелось снять серьги, распустить волосы и хотя бы пять минут ни за что не отвечать. Но рядом уже появилась представительница французского шоурума. Потом директор универсама.

Потом женщина, которую Линда никак не могла вспомнить, но которая уверенно целовала её в обе щеки и говорила, что они обязательно должны поужинать. Линда улыбалась, отвечала, договаривалась, запоминала цифры. Через плечо очередного собеседника она увидела Марка. Он приближался неторопливо. Линда знала этот шаг. Так Марк входил туда, где уже был уверен в своём месте. Он поцеловал её в висок.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Было сильно.

— Это комплимент или удивление?

— С тобой никогда нельзя быть уверенным.

Марк улыбнулся, но взгляд его скользнул по её платью чуть дольше, чем требовалось.

— Ты не замёрзла?

Линда опустила глаза на открытые плечи.

— Здесь двадцать семь градусов.

— Я не про температуру.

— Тогда формулируй точнее.

Он слегка сжал губы. Со стороны это выглядело почти нежно.

— Потом.

Линда уже хотела спросить, что именно «потом», когда к ним подошёл редактор журнала и увёл Марка разговором о благотворительном аукционе. Она осталась одна. И вдруг почувствовала взгляд. Не привычный интерес журналиста. Не оценку клиента. Не мужскую попытку привлечь внимание. Что-то другое. Линда медленно повернулась. Сначала она увидела мужчину у дальней колонны. Высокий. Тёмный костюм без галстука. Одна рука в кармане. В другой — бокал, к которому он даже не притрагивался.

Свет падал на лицо сбоку, подчёркивая линию скул и короткую тёмную щетину. Ничего необычного. Таких мужчин на подобных вечерах было достаточно. Но Линда перестала слышать зал. Семнадцать лет исчезли слишком быстро. Она узнала его не по лицу. По тому, как он чуть наклонял голову, когда смотрел на неё. Когда-то именно этот жест заставлял её забывать, что она собиралась сказать.

Максим Реверс. Она не видела его с двадцати двух лет. Нет — с того утра, после которого он исчез. Линда медленно поставила бокал на поднос проходящего официанта. Максим не двигался. Не улыбался. Не подходил. Просто смотрел. И хуже всего было то, что её тело узнало его раньше памяти. Где-то под рёбрами возникло короткое, почти злое ощущение падения.

Линда выпрямилась. Конечно. Именно сегодня. В день, когда половина Москвы снова решила, что знает о ней всё. Максим слегка поднял бокал. Не тост. Не приветствие. Скорее знак: я тебя вижу. Линда не ответила.

Позади неё кто-то позвал:

— Линда!

Она обернулась всего на секунду. Когда снова посмотрела к колонне, Максима там уже не было. Только незнакомый официант собирал пустые бокалы. Линда осталась стоять посреди собственного успешного вечера, окружённая людьми, светом, поздравлениями и музыкой. И впервые за много лет почувствовала не страх. Хуже. Любопытство к собственной прошлой жизни.

Глава 2. Идеальная пара

Марк ждал её у служебного выхода, прислонившись плечом к тёмному кузову машины так спокойно, будто вечер принадлежал ему целиком — от света витрин до последних вспышек фотографов, ещё долетавших из-за угла. На нём было пальто без единой складки, светлая рубашка и тот особый вид уверенности, который не требовал ни жестов, ни громкого голоса. Линда увидела его и замедлила шаг.

Несколько минут назад она стояла в зале среди людей, которые улыбались ей слишком широко и слишком внимательно следили за каждым движением. Там она была Линдой Крафт, женщиной, о которой завтра будут писать, что она снова сделала невозможное. Здесь, возле машины, она должна была стать просто женой Марка. Он открыл перед ней дверь.

— Ты задержалась.

Не вопрос. Констатация.

— Показ закончился позже, чем планировали.

— Я видел.

Линда села в машину и бросила сумку рядом. В салоне пахло кожей, холодным воздухом и его парфюмом — сухим, дорогим, почти бесцветным. Марк обошёл машину и сел за руль сам. Он не любил водителей по вечерам. Говорил, что после длинного дня ему необходимо хотя бы полчаса тишины. Сегодня тишины не получилось. Марк выехал со стоянки, скользнул взглядом по её плечам и сказал:

— Платье было слишком открытым.

Линда повернула голову к окну.

— Добрый вечер и тебе.

— Я сказал, что ты плохо выглядела?

— Нет. Ты сразу перешёл к недостаткам.

— Я говорю о том, что видел.

— И что же ты видел?

— Слишком много мужчин, которые смотрели не на коллекцию.

Она усмехнулась.

— Это катастрофа. Мужчины смотрят на женщину.

Марк тоже улыбнулся, но уголки его губ почти сразу опустились.

— Я не шучу.

— А я давно перестала понимать, когда ты шутишь.

На светофоре он повернулся к ней. В свете приборной панели его лицо казалось резче.

— Ты устала.

— Это универсальное объяснение на все случаи?

— Иногда оно точное.

Загорелся зелёный. Машина тронулась. Линда откинулась на сиденье. В голове всё ещё стоял зал: музыка, вспышки, чужие голоса. И один взгляд, который не имел к показу никакого отношения. Максим Реверс. Она не произносила это имя даже мысленно много лет. Оно всплыло неожиданно легко, будто всё это время лежало совсем близко, прикрытое тонким слоем пыли. Марк включил поворотник.

— Кто была та девушка в серебристом?

— Какая именно?

— Высокая. У входа в гримёрную.

— Катя. Новая модель.

— Та, которую ты чуть не сняла с показа?

Линда посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Люди разговаривают.

— Быстро.

— Москва небольшая.

Она хмыкнула.

— Особенно если у тебя много знакомых.

— Особенно если у тебя жена, о которой любят сплетничать.

Он сказал это почти ласково, но Линда уловила знакомую интонацию: лёгкий укор, завернутый в заботу. Марк умел так говорить. Слова сами по себе были безобидными, но после них почему-то всегда хотелось оправдываться. Она не стала.

— Я не сняла её. Я заставила выйти на подиум.

— Зачем?

— Потому что за пять минут до выхода ей позвонил бывший и сообщил, что женится. Она решила исчезнуть.

— И ты заставила девушку идти?

— Я напомнила ей, что из-за одного мужчины двадцать три человека не обязаны остаться без работы.

— Мягко.

— Зато она вышла.

— И поэтому тебя называют стервой.

Линда повернулась к нему.

— Это тебя беспокоит?

— Меня беспокоит, что тебе нравится этот образ.

— Мне нравится, что он работает.

— Когда-нибудь он начнёт работать против тебя.

— Тогда поменяю образ.

Марк усмехнулся.

— Ты говоришь так, будто людей можно переодевать.

— Иногда это проще, чем переубеждать.

Они проехали ещё несколько кварталов. Линда сняла серьги и положила их в маленький карман сумки. От тяжёлых украшений болели мочки. День наконец начинал отпускать её, но образ Максима не исчезал. Она помнила его моложе. Смеющегося. Резкого. Слишком уверенного, что всё впереди и что любовь — аргумент, который невозможно перебить. Сегодня он был другим. Спокойнее. Опаснее именно этим спокойствием.

Марк вдруг сказал:

— Завтра у нас ужин у Воронцовых.

Линда прикрыла глаза.

— У нас?

— Я говорил тебе.

— Ты сказал, что тебя пригласили.

— Нас пригласили.

— У меня съёмка до восьми.

— Перенеси.

Линда открыла глаза.

— Почему?

— Потому что это важно.

— Для кого?

— Для меня.

Она медленно выдохнула.

— И этого должно быть достаточно?

Марк коротко взглянул на неё.

— Разве нет?

Вопрос прозвучал спокойно. Именно поэтому Линда почувствовала раздражение.

— Если бы ты спросил: «Линда, ты сможешь?» — было бы достаточно.

— Хорошо. Линда, ты сможешь?

Она рассмеялась.

— Поздно.

— Ты любишь усложнять.

— Нет. Я просто люблю слышать вопрос до решения, а не после него.

Марк снова сосредоточился на дороге.

— Ты сегодня действительно устала.

Линда ничего не ответила. Это был один из тех моментов, когда спор можно было продолжить — и проиграть не потому, что у тебя нет аргументов, а потому, что другой человек просто откажется признать сам предмет спора. У дома Марк остановился у подъезда, но двигатель не выключил. Линда встретила его взгляд.

— Ты не идёшь?

— Через час встреча.

— В такое время?

— Нью-Йорк проснулся.

— Конечно.

Она уже взялась за ручку двери, когда он произнёс:

— Реверс что-нибудь тебе сказал?

Линда застыла. На секунду ей показалось, что она ослышалась.

— Что?

Марк смотрел прямо перед собой.

— Максим Реверс. Он что-нибудь тебе сказал?

Линда медленно отпустила ручку.

— Ты его знаешь?

— Знаю, кто он.

— Это не ответ.

— Достаточный.

Она почувствовала, как что-то внутри неё стало холоднее.

— Марк, откуда ты вообще знаешь, что он был сегодня?

— Видел.

— Где?

— На показе.

Линда внимательно посмотрела на мужа.

— Я тебя в зале не видела.

— Я приехал раньше. Потом вышел.

— Зачем?

— Были звонки.

Ответы появлялись слишком быстро. Не как правда, которую вспоминают, а как карточки, заранее разложенные по местам.

— Ты раньше встречался с ним?

— Линда.

— Это простой вопрос.

— И совершенно бессмысленный.

— Тогда почему ты не отвечаешь?

Марк наконец повернулся к ней. Его лицо оставалось спокойным.

— Потому что я не понимаю, зачем мы сейчас превращаем один случайный вечер в допрос.

— Я тебя не допрашиваю.

— Хорошо. Тогда не допрашивай.

— Ты первый произнёс его имя.

Повисла пауза. Марк вздохнул и положил ладонь ей на колено. Жест был привычный, почти нежный.

— Я просто не хочу, чтобы прошлое портило тебе настроение.

Линда посмотрела на его руку.

— Моё прошлое?

— Ты сама когда-то сказала, что знала его.

Она подняла глаза.

— Когда?

— Давно.

— Насколько давно?

Марк улыбнулся.

— Линда, у нас пятнадцать лет брака. Неужели ты думаешь, что я помню каждый разговор?

Она хотела ответить, но не стала. Пятнадцать лет. За это время действительно можно забыть тысячи слов. Но Линда хорошо помнила другое: она почти не рассказывала Марку о Максиме. Не называла фамилию. Не говорила, чем он занимается. Не рассказывала, что Максим когда-то хотел увезти её с собой. Она вообще старалась не возвращаться к той истории. Слишком унижительным было воспоминание о том, как однажды человек обещает быть рядом, а потом исчезает так окончательно, словно тебя никогда не существовало.

Марк слегка сжал её колено.

— Всё нормально?

— Да.

— Ты какая-то напряжённая.

— Просто устала.

Он улыбнулся так, будто услышал подтверждение собственной правоты.

— Вот видишь.

Линда вышла из машины. Марк опустил стекло.

— Завтра к восьми будь готова.

Она наклонилась к окну.

— У меня съёмка.

— Перенесёшь.

— Марк.

— Пожалуйста.

Это «пожалуйста» прозвучало почти идеально. Линда улыбнулась.

— Вот теперь это хотя бы похоже на просьбу.

Он покачал головой.

— Невыносимая женщина.

— Ты сам выбрал.

— Каждый день вспоминаю.

Она закрыла дверь и пошла к подъезду. Только войдя в холл, Линда поняла, что Марк так и не ответил ни на один её вопрос. В квартире было тихо. Она включила свет в гостиной, сняла туфли и прошла босиком к окну. Машина Марка всё ещё стояла внизу. Через минуту фары вспыхнули, автомобиль выехал со двора и исчез.

Линда осталась у стекла. Почему-то вспомнилось лицо Максима в конце показа. Он не подошёл. Не улыбнулся. Не попытался заговорить. Просто смотрел. И Марк почему-то заметил его раньше неё. Линда открыла телефон и несколько секунд смотрела на строку поиска.

Потом набрала:

«Максим Реверс».

На экране появились фотографии, интервью, деловые статьи. Мужчина, которого она знала когда-то, теперь смотрел на неё с десятков страниц: инвестиции, фонды, сделки, благотворительные проекты. Линда пролистнула вниз. Одна публикация была датирована прошлым месяцем.

«Максим Реверс возвращается в Москву после семнадцати лет работы за границей».

Семнадцать лет. Линда перечитала эту строку дважды. Потом выключила экран. И только тогда поняла, что Марк произнёс его имя так, будто ждал этого возвращения.

Глава 3. Семнадцать лет спустя

Утро началось с трёх отмененных встреч, одного потерянного образца ткани и письма от клиента, который внезапно решил, что серый цвет «слишком печальный для премиума». Линда прочитала последнее сообщение дважды, закрыла ноутбук и посмотрела на часы. Было без десяти одиннадцать.

— Если он хочет радость, пусть продаёт воздушные шары, — сказала она.

Ассистентка Соня, стоявшая у стола с планшетом, даже не улыбнулась. За полтора года работы она научилась различать, когда Линда шутит, а когда лучше просто записать решение.

— Что ответить?

— Что мы покажем ему новый вариант палитры к четверем. И добавь: если он снова поменяет концепцию после утверждения, следующий пересчет будет платным.

— Мягче?

— Можно. Но смысл оставь.

Соня кивнула и уже шагнула к двери, когда остановилась.

— И еще. На двенадцать у вас встреча.

— С кем?

— Максим Реверс.

Линда подняла взгляд. Имя прозвучало в кабинете так отчетливо, будто кто-то положил на стол металлический предмет.

— Я ничего не назначала.

— Назначал его помощник. Через господина Лебедева. Сказали, что речь об инвестиционном предложении.

— Отмени.

Соня помедлила.

— Они уже подтвердили, что едут.

— Тогда пусть развернутся по дороге.

— Линда...

— Что?

— Лебедев написал лично. Сказал, что это может быть крупнейшая инвестиция в бренд за последние два года.

Линда откинулась на спинку кресла. Конечно. Максим не пришел к ней после показа. Не позвонил. Не написал. Он выбрал способ, от которого невозможно отмахнуться, не объясняясь перед собственной командой. Деловая встреча. Безопасная территория. Она почти усмехнулась.

— Хорошо. Двадцать минут.

— Полчаса стоит в календаре.

— Через двадцать пять минут у меня появится срочный звонок.

— Поняла.

Когда дверь закрылась, Линда снова открыла ноутбук, но строки на экране расплывались. Она поймала себя на том, что вместо цифр бюджета видит страницу, которую ночью просматривала в телефоне.

«Максим Реверс возвращается в Москву после семнадцати лет работы за границей».

Семнадцать лет. Странно, как цифра может оказаться тяжелее воспоминания. Она встала и подошла к окну. Внизу двигались машины, люди торопились через переход, курьер на велосипеде едва не врезался в такси. Город жил без всякого интереса к тому, что человек из прошлого вдруг оказался в настоящем. Линда предпочла бы, чтобы и она умела так же. В одиннадцать пятьдесят восемь Соня появилась снова.

— Он приехал.

Линда не повернулась.

— Один?

— С помощником. Помощник остался в переговорной.

— Пусть Реверс войдет сюда.

Соня кивнула. Через несколько секунд дверь открылась. Максим вошел без спешки. На этот раз на нем не было вечернего костюма. Темные брюки, белая рубашка без галстука, пиджак в руке. Он выглядел проще, чем на показе, и почему-то именно поэтому ближе к тому человеку, которого Линда помнила. Только раньше в нем было больше движения. Он говорил руками, смеялся слишком громко, мог встать посреди разговора и начать ходить по комнате, если мысль его захватывала.

Теперь Максим двигался экономно. Словно за семнадцать лет научился не тратить себя там, где не нужно. Он остановился в двух шагах от стола.

— Здравствуй, Линда.

Она не предложила ему сесть.

— Для деловой встречи обычно начинают с фамилии и должности.

— Хорошо. Максим Реверс. Управляющий партнер RVR Capital.

— Уже лучше.

Он улыбнулся. Та же улыбка. Не та же. Линда отвернулась первой и указала на кресло.

— У тебя двадцать минут.

— Я просил тридцать.

— Уже девятнадцать.

— Значит, ты все еще считаешь время, когда нервничаешь.

Линда медленно села.

— А ты все еще путаешь наблюдательность с правом говорить лишнее.

Максим занял кресло напротив.

— Тогда только бизнес.

— Именно.

Он положил на стол тонкую папку.

— Мы хотим инвестировать в твою компанию.

— Нет.

Максим посмотрел на нее.

— Я еще не назвал сумму.

— Она ничего не изменит.

— Обычно суммы кое-что меняют.

— В компаниях, которые ищут деньги.

— Все компании ищут деньги. Просто успешные называют это ростом.

Линда скрестила руки.

— И во что именно ты хочешь инвестировать?

— В расширение бренда. Собственная линия, онлайн-продажи, выход в Европу, производство под твоим именем. Не агентство, которое обслуживает чужие идеи. Твой продукт.

Она молчала несколько секунд. Это было слишком точное предложение. Не абстрактное «давайте развиваться». Не стандартный разговор инвестора, который вчера обсуждал рестораны, а сегодня решил попробовать моду. Максим знал, чего ей не хватает. И это раздражало сильнее всего.

— Кто дал тебе наши цифры?

— Открытые источники, рынок, пара людей, которые умеют считать.

— Мои цифры не лежат в открытом доступе.

— Я сказал не «все цифры».

— Значит, ты собирал информацию.

— Конечно.

Он произнес это без тени смущения.

— Прежде чем вложить деньги, я изучаю компанию.

— Или женщину?

Максим чуть наклонил голову.

— Ты хочешь, чтобы я ответил честно?

— Нет. Я хочу, чтобы ты перестал превращать деловую встречу в дешевое продолжение вчерашнего вечера.

— Вчера никакого продолжения не было.

— Именно.

— Тебя это задело?

Линда рассмеялась коротко.

— У тебя осталось шестнадцать минут.

— Пятнадцать сорок.

— Не раздражай меня.

— Я только уточнил время.

На секунду ей захотелось выставить его за дверь. И в ту же секунду — рассмеяться. Это было хуже. Максим открыл папку.

— Мы предлагаем войти миноритарным партнером. Контроль остается у тебя. Творческие решения — тоже. Финансовый блок усиливаем своей командой. Через восемнадцать месяцев выводим первую собственную коллекцию на два европейских рынка.

— Какие?

— Германия и Нидерланды для начала. Потом Франция, если показатели подтвердятся.

— Почему не Италия?

— Дороже вход и выше конкуренция на старте. Тебе сейчас нужен рынок, который покупает качество без необходимости доказывать, что ты родилась в Милане.

Линда снова замолчала. Он подготовился. По-настоящему. Это не было предложением увидеть её. Или было слишком хорошим предложением.

— Сколько?

Максим назвал сумму. Линда подняла брови. Даже для нее это было много.

— Щедро.

— Рационально.

— За такую долю?

— За возможность войти раньше остальных.

— Ты уверен, что говоришь о бизнесе?

Максим посмотрел ей прямо в глаза.

— Я обещал.

Она выдержала взгляд.

— Тогда мой ответ — нет.

— Почему?

— Потому что я не беру деньги у людей, которым не доверяю.

В кабинете стало тихо. Максим не изменился в лице, но что-то в нем остановилось.

— Это про бизнес или про семнадцать лет назад?

— А ты умеешь разделять?

— Научился.

— Поздравляю.

— Ты нет?

Линда встала.

— Встреча закончена.

Он не поднялся.

— Ты даже не прочитала предложение.

— Не хочу.

— Потому что оно плохое?

— Потому что оно твое.

Максим наконец встал. Они оказались почти на одном уровне. Линда была на каблуках, и все равно он оставался чуть выше. Когда-то ей нравилось вставать к нему ближе и проверять, насколько сильно приходится запрокидывать голову. Она ненавидела, что вспомнила это сейчас. Максим взял папку, но не убрал.

— Ты правда считаешь, что я приехал сюда ради сделки?

— Я считаю, что ты приехал сюда потому, что тебе стало скучно.

— Семнадцать лет — длинный способ развлечься.

— Ты исчез тогда достаточно легко.

Фраза вырвалась раньше, чем она успела остановиться. Максим посмотрел на нее так, будто именно этого ждал.

— Ты действительно так думаешь?

Линда почувствовала, как внутри поднимается знакомая холодная злость — та самая, которая всегда приходила первой, если рядом появлялось что-то слишком болезненное.

— Я не думаю. Я помню.

— Что именно?

— Что однажды ты сказал, что приедешь. И не приехал.

Максим не ответил сразу.

— А потом?

— Что «потом»?

— Потом что было?

— Ничего.

— Совсем?

— Не играй со мной.

— Я не играю.

— Ты исчез.

— Я писал тебе.

Линда замерла.

— Что?

Максим сделал шаг к столу и положил папку обратно.

— Я писал.

— Не надо.

— Много раз.

— Я сказала: не надо.

— Ты не ответила ни на одно письмо.

Линда смотрела на него, чувствуя, как раздражение превращается в нечто другое — более опасное, потому что у него не было удобного названия.

— Я не получила ни одного.

Теперь замолчал Максим. На его лице впервые исчезло спокойствие.

— Ни одного?

— Ни одного.

Он отвел взгляд, будто быстро пересчитывал что-то внутри себя.

— Это невозможно.

— Вот и я думаю, что невозможно. Поэтому давай не будем переписывать прошлое только потому, что тебе захотелось красиво вернуться.

— Линда...

— Достаточно.

Она нажала кнопку на телефоне.

— Соня, зайди, пожалуйста.

Максим стоял неподвижно.

— Я не вру тебе.

— Все так говорят перед тем, как начать объяснять, почему именно их ложь особенная.

Дверь открылась. Соня осторожно заглянула внутрь.

— Вы звали?

— Да. Проводи господина Реверса.

Максим посмотрел на Линду еще секунду, затем взял папку.

— Хорошо.

Он направился к двери, но у самого выхода остановился.

— Я оставляю предложение.

— Не нужно.

— Не его.

Линда нахмурилась. Максим вернулся к столу. Из внутреннего кармана пиджака он достал небольшой белый конверт, потертый по краям, словно долго лежал среди старых бумаг. Положил перед ней.

— Это твое.

Линда не прикоснулась.

— Что там?

— Посмотри сама.

— Максим.

— На этот раз я ничего не буду объяснять за тебя.

Он вышел. Соня задержалась у двери.

— Все нормально?

Линда смотрела на конверт.

— Да.

— Точно?

— Соня.

— Поняла.

Дверь закрылась. Несколько секунд Линда не двигалась. Потом взяла конверт. Он был не заклеен. Внутри лежала фотография. На ней — лето, деревянная веранда, яркое солнце и девушка в светлой майке, смеющаяся так открыто, что Линда сначала не узнала себя. Двадцать два года. Распущенные волосы. Никакой безупречной укладки. Никаких дорогих часов. Никакого выражения лица, которое заранее предупреждало людей не подходить слишком близко.

Рядом с ней стоял Максим. Молодой, загорелый, нелепо счастливый. Он обнимал её за талию, а она держала его за запястье обеими руками. Линда перевернула фотографию. На обороте были слова, написанные синей ручкой. Её почерком. Она узнала его сразу — более округлый, чем сейчас, еще не привыкший к коротким деловым записям.

«Если когда-нибудь стану чужой самой себе — найди меня».

Линда перечитала фразу. Потом еще раз. Она не помнила, когда написала её. Не помнила, почему. Но помнила почерк. Свои буквы. Свое имя внизу. И вдруг отчетливо вспомнила другое: Максим всегда сохранял то, что остальные выбрасывали. Билеты, салфетки с записями, смешные записки, обрывки упаковочной бумаги, на которой она однажды нарисовала ему костюм, слишком узкий в плечах.

— Господи...

Линда опустилась в кресло. Телефон завибрировал. На экране высветилось: «Марк». Она смотрела на имя мужа и не отвечала. Звонок прекратился.

Через секунду пришло сообщение:

«Ужин сегодня в восемь. Не забудь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.